

КРЁСТНЫЙ

(Изъ литературныхъ воспоминаній)

Въ августъ 1900 г., молоденькимъ студентомъ Горнаго Института, я пріѣхалъ въ Ялту. Было суховато, сиренево, и солнца мало. Я впервые видѣлъ югъ. Жилъ въ гостиницѣ съ балкономъ на море, и подолгу сидѣлъ, смотрѣлъ, какъ вдаль бѣжали паруса. Мечталъ, конечно — мало ли о чемъ мечтаютъ въ девятнадцать лѣтъ?

Но кромѣ Крыма, шашлы, моря былъ у меня и еще тайный интересъ, его я очень тщательно скрывалъ отъ близкихъ: я написалъ нѣкую шутку и отправилъ ее Чехову, еще изъ Москвы. А теперь хотѣлъ увидѣть его и поговорить. Да, легко сказать! Поговорить съ Чеховымъ.

Сколько себя помню, я былъ очень робокъ. Но вотъ тутъ что-то случилось: вынь да положь Чехова.

И наступилъ нѣкій день, когда въ гостиницѣ своей, въ телефонную трубку я услышалъ низкій и покойный голосъ:

— Да когда хотите. Хоть сейчасъ.

Погибать, такъ погибать. Именно сейчасъ. Но у меня не было ощущенія гибели. Напротивъ, восторгъ заливалъ. Дѣло все въ томъ, что Чеховъ назвалъ меня по имени и отчеству. Онъ помнитъ, какъ меня зовутъ!

Боже мой, что за блескъ!

И вотъ ялтинскій извозчикъ, парный, съ бѣлымъ верхомъ, везетъ по Аутской улицѣ, вверхъ, какими-то заворотами, мимо садовъ, дачъ, останавливается у рѣшетки.

Чеховъ самъ отворилъ дверь. Молодой человекъ съ трубкою рукописи, похожій на меня, выскользнулъ на пыльную дорогу.

А я черезъ минуту былъ на его мѣстѣ, въ томъ же кабинетѣ. Большое окно выходило въ горы. Чеховъ сѣлъ на диванъ въ нишѣ — на такой турецкій диванъ, какъ у всѣхъ насъ бывали, красно-пестрый. Надъ нимъ, и по всей комнатѣ, всякія картинки, много Левитана, фотографическіе снимки, группы. Комната полна разныхъ мелочей — и тоже будто пестрая.

Обликъ Чехова такъ сохранился въ памяти: умные и пріятные сѣрые глаза, пенснэ, путанные и легкіе волосы на головѣ, сидитъ бочкомъ, нога за ногу, нѣсколько лѣниво простъ, спокоенъ и прохладенъ. Малоразговорчивъ.

Вынулъ рукопись.

— Дневникъ... Очень ужъ легкая форма. Все, что угодно сюда всаживаете.

Я смотрѣлъ на рукопись. Въ одномъ мѣстѣ на нее капнуло стеариномъ. Значитъ онъ читалъ ее при свѣчѣ... Опять идиотическое волненіе влюбленнаго.

— Повѣсти-то труднѣй писать. Вы вотъ мнѣ повѣсть напишите.

Сколько теперь вспоминаю, прислалъ я ему нѣчто „меланхолическое“, замѣтки отъ перваго лица, подражаніе Мопассану и ему самому. Печатать, конечно, нельзя было: я и не разсчитывалъ. Но то, что въ немногихъ, спокойныхъ его словахъ была очень коротенькая фраза — ободрительная — это и рѣшило дѣло. Вотъ она, внѣсознательная, какъ чувство пола, сила, что занесла въ эту Аутку, къ знаменитому, прохладно-скромному человѣку въ пенснэ: что-то въ „натурѣ“ ждало благословляющаго слова. Ну, и вотъ, начинай.

Главное сказано. Чеховъ и замолчалъ. Чтобы „поддержать разговоръ“, я спросилъ — и мнѣ казалось, что это я очень неглупо спрашиваю — пишетъ ли онъ „съ натуры“, или „воображаемое“. (Вѣдь мы теперь были „сотоварищи по ремеслу!“) О такихъ вещахъ его спрашивали, очевидно, не впервые. Лицо стало сумрачнѣе. Приблизительно, это могло значить: „Господи, опять какая чепуха!“ Онъ кашлянулъ и отвѣтилъ:

— Если у меня на рукѣ пять пальцевъ, то я не могу написать, что шесть...

Изъ такой ямы я не могъ уже выбраться. Разговоръ „объ искусствѣ“ закончился. Чеховъ проще, привѣтливѣй спросилъ меня, сколько мнѣ лѣтъ, кто родители, какой губерніи. Кажется, изъ всего моего посѣщенія онъ больше всего одобрилъ, что мнѣ нѣтъ еще двадцати.

Все равно, пусть прощаль кое-что и за юность, пусть свое ободреніе сказалъ по привычкѣ, при видѣ „молодого человѣка съ рукописью“ — я отъ него инымъ вышелъ, чѣмъ входилъ. Отступленія не было. Ядъ вошелъ, и надо мною, какъ надъ будущимъ инженеромъ (на плечахъ моихъ были вензеля Екатерины, основательницы Горнаго Института) — надо было поставить крестъ.

Черезъ годъ появился мой первый очеркъ въ Москвѣ, въ газетѣ „Курьеръ“. Затѣмъ я встрѣчалъ Чехова, блѣднаго и больного, у Телешова на собраніяхъ литературнаго кружка „Среда“. А июльскимъ утромъ 1904 г., на Николаевскомъ вокзалѣ, съ мокрыми отъ слезъ глазами, несъ на рукахъ тяжелый гробъ моего крестнаго, и дологъ, горекъ былъ для меня этотъ день, этотъ путь къ Новодѣвичьему, чрезъ всю нашу Москву.

Теперь крестный далеко. Не знаю, носить ли сегодняшняя молодежь вѣночки на его могилу. Въ наши времена носили. Но сейчасъ онъ не въ фаворѣ. Пусть. Какимъ былъ, такимъ и остался, настоящий, прекрасный русскій художникъ. Если доведется Москву увидѣть — снесу ему цвѣтовъ въ Новодѣвичій, поклонюсь могилѣ.

Бор. Зайцевъ